

Лекция №

Тема: Экономическое и политическое развитие Франции в конце XIX - начале XX в.

- 1. Ускорение экономического развития Франции в конце XIX - нач. XX в.**
- 2. Политический кризис рубежа XIX-XX вв. Дело Дрейфуса.**
- 3. Правление радикалов. Основные мероприятия.**

Материал к лекции.

1. Ускорение экономического развития Франции в нач. XX в.

В конце XIX - начале XX в. промышленный рост во Франции не только достиг весьма высокого темпа - порядка 5% в год, но и приобрел качественно новый характер. Раньше его обеспечивали одновременно подъем крупной машинной индустрии и расширение производства в традиционном секторе (в последнем случае - благодаря использованию большего числа рабочих рук, повышению интенсивности труда, увеличению продолжительности рабочего дня и т.п.). Однако в годы «великой депрессии» традиционный сектор, не выдержав перегрузок, потерпел крах, о чем свидетельствовало резкое сокращение занятости в тех отраслях промышленности, где преобладало мелкое ручное производство. Например, в текстильной промышленности департамента Кальвадос численность рабочих уменьшилась с 55 тыс. в 1866 г. до 18,8 тыс. в 1886 г. С конца XIX в. промышленный рост стал в решающей мере зависеть от крупной индустрии, развитие которой требовало больших капиталовложений в дорогостоящую технику и технологию.

Новый промышленный подъем опирался на активную инвестиционную политику и ряд других благоприятных предпосылок. Активный приток инвестиций в промышленность свидетельствовал о финансовом здоровье страны, не испытывавшей нехватки капиталов. Париж оставался вторым по значению, после Лондона, финансовым рынком мира. В 1900 г. в подвалах Французского банка хранилось золота на 3,2 млрд франков (в 1913 г. - уже на 3,9 млрд.). Французы охотно вкладывали свои сбережения в ценные бумаги, портфель которых оценивался накануне Первой мировой войны в 111 млрд. франков. Из них 32 млрд франков приходилось на акции отечественных предприятий. Денежная масса удвоилась в период между 1895 и 1913 гг. и достигла 27 млрд. франков. При этом французский франк оставался символом стабильности и надежности.

Серьезной предпосылкой ускорения промышленного роста было преодоление аграрного кризиса. Благодаря протекционистской политике цены на сельскохозяйственную продукцию снова возросли, что обеспечило повышение доходности крестьянских и фермерских хозяйств. Развитие сельскохозяйственного кредита позволило улучшить агротехнику и агрокультуру. В 1892-1912 гг. втрое - с 1 млрд до 3,2 млрд франков - возросла стоимость используемого в хозяйствах инвентаря. За это же время в аграрном секторе приблизительно на треть повысилась производительность труда.

Заметно увеличилась емкость внутреннего потребительского рынка, прежде всего благодаря росту реальной заработной платы в годы «великой депрессии». Сам этот рынок стал эластичнее в связи со стандартизацией потребительских вкусов, привычек и запросов широких слоев населения, чему способствовали процессы индустриализации, урбанизации, развитие средств сообщения, связи и массовой информации. Правда, угнетающе воздействовал на спрос слабый демографический рост. В начале XX в. продолжала сокращаться рождаемость, которая к 1911-1913 гг. упала до 18,8 промилле (уровни рождаемости и смертности примерно сравнялись).

Важным фактором ускорения экономического развития было то, что в начале XX в. французы в своей массе были более образованы, чем когда-либо прежде. Стали приносить плоды усилия правительств Третьей республики по развитию начального, среднего и высшего образования. Французская индустрия не испытывала нехватки ни профессионально обученных рабочих, ни квалифицированных инженеров и предпринимателей.

Далеко не случайно, что Франция в начале XX в. заняла лидирующее положение в развитии именно тех отраслей промышленности, которые предъявляли повышенные требования к знаниям, квалификации и конструкторской смекалке работников, - автомобильной, авиационной, электроэнергетической, алюминиевой. Показателен пример автомобильной промышленности. Ее пионером во Франции был Арман Пежо, выпускник одного из престижных высших учебных заведений - Центральной школы ремесел. Начиная с 1888 г. он закупал моторы «даймлер», выпускаемые парижской фирмой во главе с Эмилем Левассором, и монтировал их на кузова собственного производства. В 1890 г. Пежо, Левассор и еще один компаньон приступили к выпуску нового, более надежного автомобиля. К 1895 г. было изготовлено 250 экземпляров этой модели. Их примеру последовали другие предприниматели. В 1900 г. в отрасли конкурировали уже 30 производителей, в 1910 г. - 57, в 1914 г. - 155, из которых, правда, не больше трети сумели создать крупное производство. Одним из наиболее значительных производителей являлся Луи Рено. В период с 1900 по 1913 г. численность рабочих на его предприятии увеличилась с 10 до 4 тыс., выпуск автомобилей - со 179 до 4481, оборотный капитал вырос в 100 раз. Всего Франция выпустила в 1913 г. 45 тыс. автомобилей, заняв второе место в мире по их производству (после США), первое - по экспорту.

Но даже пример автомобильной промышленности свидетельствует об определенных изъянах французского производства в начале XX в., прежде всего о его большой распыленности. В 1906 г. во Франции насчитывалось 189 предприятий с числом рабочих свыше 1 тыс. человек. Крупным считалось предприятие, на котором работали от 100 до 300 человек. Но около трети всех наемных работников было занято на предприятиях, персонал которых не превышал 10 человек. Слабая концентрация производства служила препятствием применению более рациональных методов организации труда. Мешала она и стандартизации продукции.

Все это неблагоприятно отражалось на себестоимости, а следовательно, и на отпускной цене товаров. Поэтому на мировых рынках французская крупная индустрия часто не могла на равных конкурировать с иностранными производителями. Несмотря на рост французского экспорта (в среднем 3,7% в год между 1895 и 1914 гг.), его структура оставалась во многом устаревшей: традиционные изделия «изысканного вкуса» преобладали над продукцией современного машиностроения (автомобили — одно из немногих исключений).

По динамическим показателям развития Франция в начале XX в. не уступала другим странам, но потеряла темпа в последней трети XIX в. обернулась невосполнимыми утратами. Пока экономика Франции топталась на месте, решая проблемы эффективности производства, некоторые другие страны, особенно США и Германия, ушли далеко вперед. Они значительно превзошли Францию по физическим и стоимостным показателям развития промышленного производства. Доля Франции в мировом экспорте промышленной продукции сократилась с 116% в 1876 г. до 12% накануне Первой мировой войны.

По сравнению с другими странами, в частности с Германией и США, французская промышленность на рубеже XIX-XX вв. отличалась более слабой концентрацией производства, капитала и рабочей силы. Уровень концентрации был особенно низким в тех отраслях, которые прямо зависели от массового потребительского спроса, например, в текстильной промышленности и автомобилестроении. Здесь действовало множество конкурировавших друг с другом мелких предприятий. Даже самые крупные из них не были достаточно мощными, чтобы продиктовать рынку свои условия. Относительно выше был уровень концентрации в отраслях, в которых было сосредоточено производство сырья, топлива и промышленного оборудования. В 1912 г. в металлургической промышленности 10 самых крупных предприятий контролировали 70% всего капитала отрасли. В главном каменноугольном бассейне Франции (на севере страны) 9 компаний добывали 80% этого минерала. Подобного рода олигополии (т.е. предприятия и компании, занимавшие господствующее положение в отрасли) сложились в машиностроительной промышленности и электроэнергетике. Наиболее высокой степенью концентрации капитала и производства отличались химическая и алюминиевая промышленность, в каждой из которых господствовали одно-два крупнейших предприятия. Именно в этих отраслях на рубеже XIX-XX вв. получили распространение соглашения между предприятиями о фиксации цен на выпускаемую продукцию. Например, в 1896 г. по инициативе крупнейшей химической компании «Сен-Гобен» возник картель производителей соды и соляной кислоты. Однако

длительные и устойчивые монополистические соглашения во Франции были немногочисленными.

2. Политический кризис рубежа XIX-XX вв. Дело Дрейфуса.

Прогрессисты добились определенного успеха в консолидации либерально-консервативных сил. Но короток оказался век этой группировки: она не пережила жестокий политический кризис, потрясший Францию в конце 90-х годов XIX в.

Отдаленным предвестием грядущих потрясений явился приговор, вынесенный в декабре 1894 г. военным трибуналом по делу капитана Генерального штаба французской армии Альфреда Дрейфуса, который по ложному обвинению в шпионаже был приговорен к пожизненному заключению. Впоследствии удалось доказать, что дело было сфабриковано. Более того, был обнаружен и назван истинный «герой» шпионской истории, которую инкриминировали Дрейфусу, — некий майор Эстерхази. Однако в 1897 г. военный трибунал не нашел оснований для пересмотра дела. Эстерхази был оправдан, а уличивший его начальник военной контрразведки полковник Пикар отстранен от должности и в скором времени вообще уволен из армии.

Упорство, с которым военные власти препятствовали правосудию, объяснялось главным образом двумя причинами. Защищая «честь мундира», они хотели скрыть от общественности вопиющий случай произвола и беззакония, бросивший тень на армейскую верхушку. Кроме того, они сознательно выгораживали настоящего виновника шпионского скандала, возлагая ответственность на Дрейфуса, еврея, сына эльзасского промышленника. Они не считали его достойным принадлежать к элите офицеров Генерального штаба, тон в которой традиционно задавали выходцы из аристократических семейств и монархисты.

Действия военных властей были восприняты широкой общественностью Франции как грубейшее нарушение элементарных прав и свобод гражданина. Едва дело Дрейфуса получило огласку благодаря усилиям его родных, а также видных политиков, литераторов и журналистов, страсти разгорелись с необыкновенной силой. Поначалу чисто юридический, казус приобрел политический характер. Большую роль сыграла публикация в газете Клемансо «Орор» статьи Эмиля Золя «Я обвиняю», в которой обличались действия правительства, чинов Генерального штаба и военных судей. Золя был подвергнут судебному преследованию по обвинению в клевете. Но его выступление всколыхнуло страну. По отношению к делу Дрейфуса Франция раскололась на два враждующих лагеря.

В защиту «чести» армии и против пересмотра дела поднялось большинство консервативно-католической партии, а также часть прогрессистов, включая Мелина, Дюпюи и президента республики Фора. Но ударной силой лагеря антидрейфусаров, как называли противников пересмотра дела Дрейфуса, являлось националистическое движение.

После поражения буланжизма националистическая пропаганда во Франции обратилась к сравнительно новой для себя теме ксенофобии и антисемитизма. Ее активно разрабатывал журналист Эдуар Дрюмон на страницах издаваемой им с 1892 г. газете «Либр пароль». Националисты утверждали, что человек другой крови или веры не может считаться «в полной мере» французом, на которого родина могла бы положиться в минуту опасности. Они находили в высшей степени подозрительным немецкое звучание имен евреев и протестантов. Активные выступления еврейской и протестантской общин в защиту парламентской республики, демократических и антиклерикальных реформ националисты истолковывали как стремление к подрыву национальных и нравственных устоев Франции. То, что среди членов франкмасонских лож, в большинстве проникнутых духом антиклерикализма, было много «инородцев», они расценивали как доказательство тайного заговора против Франции. Наконец, как повод для разжигания ксенофобии и антисемитизма националисты использовали финансовые скандалы 80-90-х годов. Крах «Юньон женераль» они приписывали проискам еврейского и протестантского «высокого банка».

Но истинной находкой для них явилась самая громкая афера века - Панамская. Она серьезно ударила по французской экономике, укрепив недоверие вкладчиков к инвестициям в предприятия, и усилила их тягу к государственным бумагам. Но особенно болезненными оказались ее политические последствия. Из-за того, что правительство попыталось замять скандал, следствие по делу о злоупотреблениях началось только в 1891 г. А скандал разразился лишь после того, как в 1892 г. аферой заинтересовалась антисемитская газета Дрюмона. Она не только опубликовала материалы о коррупции в

парламенте, скомпрометировавшие около 140 депутатов, но и представила главными виновниками руководителей компании евреев Рейнаха и Герца.

На выборах 1893 г. избиратели отказали в доверии даже такому популярному политику, как Клемансо, получавшему от Герца «субсидии» для своей газеты «Жюстис». Но главное - Панамский скандал дал толчок небывалому в истории Франции разгулу ксенофобии и антисемитизма, с тех пор густо окрасивших идеологию националистического движения.

В 1898 г. одновременно возникли несколько массовых организаций националистического толка: Лига патриотов, возрожденная под руководством все того же Деруледа, Лига французской родины, объединявшая представителей интеллигенции, Антисемитская лига, Французское действие («Аксьон франсэз») и другие. Они насчитывали сотни тысяч членов (например, одна только Лига французской родины - до полумиллиона) и оказывали сильный нажим на власти, чтобы не допустить пересмотра дела Дрейфуса.

В борьбе с националистами сторонники пересмотра дела, дрейфусары, выдвинули лозунг защиты демократических прав и свобод, гарантированных республикой. Под этим лозунгом объединились представители различных политических сил, общественных движений, конфессий - радикалы, часть социалистов, руководимых Жоресом, франкмасоны, протестанты, антимилицаристы, антиклерикалы. В начале 1898 г. ими была основана Лига прав человека, сыгравшая важную роль в истории правозащитного движения.

Организирующее начало в ряды дрейфусаров внесли не только вновь создаваемые объединения, но и франкмасонские ложи. В конце XIX в. они представляли собой своеобразные клубы либерально-демократической интеллигенции, которые во многом отошли от вековых традиций масонства, в частности от положений первоначальных уставов об аполитичности и вере в «архитектора вселенной» (т.е. в бога). Во время Второй империи ложи являлись организационным ядром республиканской партии, а в первые десятилетия Третьей республики поставляли ей руководящие кадры. Большинство избранных по республиканским спискам президентов, премьер-министров, министров, депутатов и сенаторов были франкмасонами. Борьба за пересмотр дела Дрейфуса стала поистине звездным часом французского масонства, во многом благодаря усилиям которого удалось обеспечить единство столь пестрых в политическом и социальном отношении сил, оказавшихся в лагере дрейфусаров. Впечатляющим проявлением этого единства явилась грандиозная демонстрация в поддержку республики и демократии, состоявшаяся в Париже 14 июля 1900 г.

Летом 1898 г. появились свидетельства того, что дело Дрейфуса было сфабриковано. Начальник военной разведки полковник Анри, признавшийся в подлоге, покончил жизнь самоубийством. С этого момента пересмотр дела стал неизбежным. Помешать этому мог только государственный переворот, который и попытались совершить националисты в феврале 1899 г., воспользовавшись смертью и похоронами президента Фора. Им это не удалось, и с отставкой кабинета Дюпюи летом 1899 г. открылась возможность дать делу законный ход.

Часть прогрессистов, обеспокоенных разгулом национализма и угрозой государственного переворота, примкнула к дрейфусарам. В июне 1899 г. новый президент республики Эмиль Лубе назначил главой правительства прогрессиста-дрейфусара Вальде-ка-Руссо. В состав его кабинета вошли представители всех основных политических сил, выступавших в защиту законности и порядка. Особенно примечательно было присутствие в нем социалиста Мильерана, занявшего пост министра торговли и промышленности. Правительство приняло решительные меры против националистов, добившись ареста и препровождения в суд их вождей. Тем самым ему удалось стабилизировать политическую обстановку. Однако обеспечить справедливое решение суда по делу Дрейфуса оно так и не сумело. Летом 1899 г. военный трибунал в ходе нового слушания вынес капитану Дрейфусу обвинительный приговор, хотя и принял во внимание смягчающие вину обстоятельства. Правительству не осталось ничего другого, как прибегнуть к процедуре помилования. Лишь в 1906 г. кассационный суд полностью реабилитировал Дрейфуса.

Перегруппировка политических сил. Дело Дрейфуса не только обнажило противоречия, накопившиеся в обществе за время правления умеренных республиканцев и прогрессистов. Оно вместе с тем послужило катализатором серьезных перемен. Прежде всего, под его влиянием произошла значительная поляризация политических сил, которая уничтожила плоды многолетних

усилий политиков консервативного и либерального толка, начиная с Тьера, по созданию устойчивого «центра». В разгар дела едва ли не все взрослое население Франции разделилось на дрейфусаров и антидрейфусаров. Традиционное противостояние «левых» и «правых» вновь приобрело классически ясные очертания.

Однако по сравнению с 70-80-ми годами, когда эта формула выражала борьбу между республиканцами и монархистами, характер этого противостояния существенно изменился. Республика, какие бы чувства она ни вызывала у граждан, в целом воспринималась ими как свершившийся факт, непреложная действительность. Разногласия относительно формы правления уступили место спорам о механизмах функционирования существующей власти и перспективах ее реформирования. Поэтому когда дрейфусары выдвинули лозунг «защиты республики», это было не более чем данью традиции. Его игнорировала часть республиканцев, которые по примеру Мелина выступали против пересмотра дела Дрейфуса. В конце 90-х годов политические силы разделились на два противоположных лагеря не потому, что не сумели договориться о форме правления, а потому, что разошлись во взглядах на политические цели и ценности самой республики.

В результате перегруппировки политических сил, происшедшей под влиянием дела Дрейфуса, как «левые», так и «правые» во Франции приобрели новое обличье. Быть левым отныне значило не только сохранять приверженность республиканским и демократическим учреждениям, утверждать идеалы светскости в общественной жизни. Это значило также бороться против национализма и военщины, как ударной силы реакции. Напротив, правых стали отличать главным образом национализм, преклонение перед армией и военной силой, стремление к авторитарному правлению вообще, независимо от его конкретной формы. Хотя между теми и другими сложился своего рода консенсус относительно признания существующей формы правления, а лозунг монархической реставрации уже не встречал живого отклика со стороны правых, левые упорно продолжали именовать себя «республиканцами». Фактически это было способом защитить свою монополию на республиканскую легитимность, единственно дающую право на власть в Третьей республике.

На рубеже столетий во Франции впервые возникла система организованных политических партий. Они сочетали парламентские методы деятельности с внепарламентскими, располагали сетью местных комитетов, не терявших связь с избирателями между выборами, и контролировали свои парламентские фракции. Способствовал тому закон об ассоциациях, принятый по предложению кабинета Вальдека-Руссо 1 июля 1901 г. Он предоставлял широкую свободу деятельности различным объединениям граждан, включая политические (профессиональные регламентировал закон 1884 г.). Закон предусматривал заявительный порядок регистрации этих ассоциаций. В преддверие выборов 1902 г., которые, по мнению современников, должны были стать решающей пробой сил между дрейфусарами и антидрейфусарами, почти одновременно начали легальное существование несколько партий, представлявших главным образом левую часть спектра французской политики.

Пример подали социалисты, которые и раньше были организованы значительно лучше других политических сил. В 1899 г. они предприняли попытку провести объединительный съезд своих многочисленных организаций. Однако разногласия между сторонниками революционной тактики и реформистами обрекли его на провал. Разные позиции заняли те и другие по отношению к делу Дрейфуса. Гедисты из Рабочей партии расценили его как конфликт внутри буржуазного класса, до которого трудящимся просто нет дела. Напротив, независимые социалисты, такие как Жорес, активно выступили на стороне дрейфусаров.

Острые разногласия среди социалистов вызвал приход в кабинет Вальдека-Руссо независимого социалиста Мильерана. Он приобрел известность еще в 1896 г., когда после успеха социалистов на муниципальных выборах выдвинул программу мирного завоевания власти посредством всеобщего избирательного права. На посту министра Мильеран добился принятия закона о сокращении продолжительности рабочего дня для молодежи и женщин до 10,5 часа (впоследствии эта мера была распространена и на работников-мужчин). Не раз от имени правительства он выступал арбитром в спорах между рабочими и хозяевами. Несмотря на то, что

Мильеран принял приглашение войти в кабинет министров как частное лицо, официально никем на то не уполномоченное, социалисты ревниво отнеслись к его решению. Некоторые из них, например, Жорес, его горячо поддержали. Зато гедисты усмотрели в этом предательство интересов рабочего класса. Их негодование в особенности вызывало то, что коллегой Мильерана по правительству оказался участник подавления Коммуны генерал Галифе, занявший пост военного министра.

Из-за серьезных разногласий в 1901 г. возникли сразу две новые социалистические партии. Реформисты и сторонники участия в правительстве образовали Французскую социалистическую партию, в которую вошли POSSИБИЛИСТЫ и «независимые социалисты». Сторонники революционной тактики и «антиминистералисты», главным образом гедисты и бланкисты, объединились в рядах Социалистической партии Франции. Несколько мелких группировок, в том числе Революционно-социалистическая партия (аллеманисты), сохранили самостоятельность. Лишь уход Мильерана из правительства в связи с отставкой кабинета Вальдека-Руссо в 1902 г. и принятие Амстердамским конгрессом II Интернационала в 1904 г. специальной резолюции о единстве социалистических партий создали предпосылки для преодоления раскола. В 1905 г. была образована Объединенная социалистическая партия (Французская секция рабочего Интернационала - СФИО). Ведущую роль в ней играло реформистское течение, а самым популярным и авторитетным лидером стал Жорес. Тем не менее в объединенную партию отказались войти «независимые социалисты» Мильеран, Вивиани, Бриан и другие, выразившие несогласие с ее намерением проводить политику оппозиции по отношению к буржуазным правительствам и призывами к классовой борьбе.

В 1901 г. появилась общенациональная организация радикалов - Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов. Такое название отражало стремление организаторов новой партии объединить все левые силы, приверженные идеалу демократической республики. В известной мере она достигла этой цели, что позволило ей в начале XX в. превратиться в самую влиятельную политическую партию Франции. Численность ее фракции в палате депутатов (обычно не менее трети всех мест) позволяла контролировать парламентское большинство и давала право на участие в любой правительственной коалиции. Но заплатить за это пришлось организационной рыхлостью, обусловленной широкой самостоятельностью как индивидуальных, так и коллективных членов партии - местных комитетов, масонских лож, печатных изданий и пр., - а также расплывчатостью политической программы. Она носила умеренно реформистский характер и предусматривала не только укрепление и защиту республиканских учреждений, но и активную социальную политику государства, средства на проведение которой должны были предоставить прогрессивно-подходящий налог и выборочные национализации. Такая программа в особенности импонировала средним слоям общества - всякого рода мелким собственникам, интеллигенции и пр., которые, чувствуя шаткость своего относительного благополучия, уповали на поддержку государства и опасались крайностей, как экономического индивидуализма, так и коллективизма.

Стремление радикалов охватить всю республиканскую часть политического спектра нисколько не беспокоило социалистов, располагавших собственными организационными структурами, избирателями в лице рабочего населения промышленных городов и далеко идущей программой социально-экономических преобразований. Но оно встревожило умеренных республиканцев, которые после распада группировки прогрессистов примкнули к лагерю дрейфусаров. В условиях резкого размежевания между «правыми» и «левыми» им, сторонникам центристской политики, реально грозило поглощение более сильными «соседями» слева. Чтобы этого не произошло, они в конце 1901 г. образовали Республиканско-демократический альянс, в который вошли Луи Барту, Раймон Пуанкаре, Жозеф Кайо, Александр Рибо и др. Успех новому объединению обеспечили не организационные структуры, которые остались в зачаточном состоянии, и не широкообещательные обещания реформ, которые не шли дальше старой программы прогрессистов, но активная поддержка, оказанная ему деловыми кругами и «большой» парижской прессой. Альянс стал одной из основных партий правящего «лево-республиканского большинства, усилив его правый фланг.

Выборы 1902 г. отличались исключительно высокой активностью избирателей. В некоторых округах к урнам пришли до 90% лиц, имевших право голоса. Но хотя по стране в целом

кандидаты «лево-республиканских партий собрали всего лишь на 200 тыс. голосов больше, чем их соперники - консерваторы и «правые» республиканцы, они добились убедительной победы благодаря тому, что были лучше подготовлены в организационном плане и сумели выдвинуть единых кандидатов. «Левых» теперь представляли в парламенте 350 депутатов, из которых 210 были радикалами и радикал-социалистами, 95 - левыми республиканцами (членами Республиканско-демократического альянса), 45 - социалистами-реформистами. Кроме того, 6 мест завоевали революционные социалисты. «Правые» были вынуждены довольствоваться 230 депутатскими мандатами, из которых 115 принадлежали правым республиканцам-антидрейфусарам, 60 - националистам, 55 - консерваторам.

В результате поражения, которое консервативно-националистические «правые» понесли на выборах 1902 г., они на долгое время были отброшены в оппозицию без всякой надежды на возвращение к власти. Но кое-что из уроков, которые им преподнесли левые республиканцы, они все же усвоили. Прежде всего, они поняли преимущества надлежавшей организации.

В 1903 г. умеренные республиканцы, которые после раскола прогрессистов примкнули к лагерю антидрейфусаров, а также «присоединившаяся» к республике часть консерваторов, оказавшихся в том же лагере, образовали Республиканскую федерацию. В нее вошли Мелин, Шарль Дюпюи, Шарль Бенуа. Новая партия, не подвергая сомнению республиканскую форму правления, активно выступала в защиту традиционного уклада жизни, критиковала реформы, направленные на модернизацию общественных отношений, в особенности антиклерикальное законодательство, а также проповедовала национализм. В начале XX в. Республиканская федерация была крупнейшей оппозиционной партией.

По сравнению с ней деятельность «неприсоединившихся» монархистов имела маргинальный характер. Дело Дрейфуса добило роялизм старого толка, живший воспоминаниями о прошлом. Легитимизм и орлеанизм практически сошли со сцены, уступив место новейшей разновидности правого радикализма, окрашенного в монархические цвета.

История правого радикализма начала XX в. неразрывно связана с Шарлем Моррасом. Отправным пунктом воззрений этого литератора и политического деятеля было представление об упадке Франции, утрате ею ведущей роли в мировом развитии. Причиной этого Моррас считал разрыв с исконными национальными традициями, вину за который он возлагал на последствия революции XVIII в. и вредные чужеземные влияния. Выход из положения он видел в возвращении к традициям, или, по его определению, в «интегральном национализме». Его программа предусматривала, во-первых, упразднение парламентаризма и демократии и восстановление монархического правления; во-вторых, возвращение традиционных прав и привилегий католической церкви; в-третьих, восстановление сословно-патриархальных отношений в обществе. Главное препятствие осуществлению этой программы Моррас видел в республиканском правлении, которое он предлагал свергнуть силой, а также в засилье евреев, протестантов, франкмасонов и «метеков» (иностранцев). Ксенофобия и антисемитизм были органической частью его воззрений.

В 1899 г. Моррас вступил в одну из расплотившихся в разгар дела Дрейфуса националистических группировок - «Аксьон франсэз». Его стараниями она скоро превратилась в одну из самых влиятельных праворадикальных организаций Франции. В одноименном ежемесячнике, который в 1908 г. был преобразован в ежедневную газету, Моррас начал пропагандировать свои воззрения и вскоре стал общепризнанным главой широкого общественного движения, располагавшего организационными и пропагандистскими структурами. Политическое крыло движения представляли Лига французского действия и организация боевиков «Королевские молодчики». Главным рупором «интегрального национализма» являлась газета «Аксьон франсэз». Интеллектуальные силы в лице писателей, ученых, профессоров объединял Институт Аксьон франсэз. Реставраторские идеи Морраса привлекли в его движение остатки обеих монархических партий. Поддержку оно получило и со стороны претендента герцога Орлеанского, сына умершего в 1894 г. графа Парижского. Однако титулованная знать не пользовалась в движении «Аксьон франсэз» особым влиянием. Кроме того, прагматизм его руководителей, лишенных сентиментальности монархистов старой закваски, нередко приводил к серьезным размолвкам с претендентом.

3. Правление радикалов. Основные мероприятия.

На всеобщих выборах, состоявшихся в мае 1906 г. избиратели одобрили политику «лево»-республиканских партий каждая из которых получила ощутимую прибавку депутата- мест. Но самое примечательное было то, что радикалы, завоевав 247 мандатов (что дало им значительный перевес над «правой» оппозицией, имевшей 174 мандата), отныне могли управлять страной самостоятельно, не прибегая к поддержке ни социалистов ни левых республиканцев.

Радикальное большинство привело к власти кабинет во главе с Клемансо. В прошлом активный участник радикальной оппозиции Правлению умеренных республиканцев, он впервые вошел в правительство да 65-м году жизни, заняв в марте 1906 г. пост министра внутренних дел. Этот пост он сохранил и после того, как в октябре 1906 г. возглавил правительство. Основанием тому служил РQСТ политического напряжения в стране, связанный не столько с выполнением закона об отделении церкви от государства, сколько с ростом революционного синдикализма.

В начале XX в. синдикалистское (т.е. профсоюзное) движение вышло далеко за рамки защиты профессиональных интересов рабочих и служащих. В 1902 г. Федерация бирж труда влилась во Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ), образованную в 1895 г. Единый профсоюзный центр воспринял анархистские идеи Ф. Пеллутье, в том числе и о всеобщей стачке как методе осуществления революции. Эта смесь анархизма и синдикализма получила название анархо-синдикализма. Его манифестом стала так называемая Амьенская хартия, принятая съездом ВКТ в октябре 1906 г. В ней заявлялось о приверженности профсоюзов классовой борьбе вплоть до «полного освобождения, которое может быть достигнуто лишь путем экспроприации капитала». Всеобщая стачка объявлялась главным средством этой борьбы, а профсоюзы - орудием не только сопротивления эксплуататорам, но и организации производства и распределения в будущем. Наконец, хартия провозглашала независимость профсоюзов - не только организационную, но и доктринальную - от политических партий, не исключая социалистической.

В середине 1900-х годов ВКТ попыталась на практике осуществить эти идеи. Из каждой забастовки ее руководители пытались выжать максимальный пропагандистский эффект, рассчитывая на солидарные действия рабочих других предприятий и отраслей, ведущие к всеобщей стачке. Во многом благодаря их усилиям трудовые конфликты приобрели ожесточенный характер. Нередкими стали насильственные действия забастовщиков против фабричной администрации, штрейкбрехеров и сил правопорядка, умышленная порча имущества и пр.

Видя это, Клемансо еще в самом начале своей министерской карьеры заявил одному из руководителей ВКТ: «Вы вышли на баррикады, я же встал по другую сторону. Вы затеываете беспорядки, я же обязан защищать порядок. Следовательно, моя задача заключается в том, чтобы сорвать ваши планы. Лучше, чтобы вы отнеслись к этому как к неизбежности». И в дальнейшем Клемансо проявлял решительность всякий раз, когда действия забастовщиков прямо затрагивали интересы граждан. Он широко прибегал к вводу в места забастовок армейских частей, одного присутствия которых подчас было достаточно, чтобы предотвратить беспорядки. Так было в апреле 1906 г., когда на улицы шахтерских городов и поселков было выведено 20 тыс. солдат против 40 тыс. забастовщиков. В марте 1907 г. Клемансо добился прекращения забастовки электриков, на два дня оставивших без освещения большую часть Парижа, заявив, что готов обеспечить электроснабжение силами военных техников. Но забастовка и демонстрация рабочих песчаных карьеров в Дравей и Вильнев-Сен-Жорж летом 1908 г. сопровождалась возведением баррикад и столкновениями с жандармерией и войсками, в результате чего несколько человек были убиты и десятки ранены.

Однако в борьбе с анархо-синдикалистами Клемансо не всегда мог положиться даже на армию. Летом 1907 г. южные департаменты были охвачены волнениями крестьян-виноградарей. Они несли большие убытки вследствие падения цен на свою продукцию. Вину за это они возлагали на мошенников, которые наловчились выпускать всевозможные подделки под натуральные вина. Крестьяне требовали, чтобы власти положили конец этой негодной практике. Города Безье, Перпиньян, Нарбонн, Каркассон стали в конце мая — начале июня ареной массовых демонстраций, на которые съезжались жители сельской округи. 9 июня в Мон-пелье собралось

свыше 700 тыс. демонстрантов. Солдаты, направленные туда для поддержания порядка, заявили о своей солидарности с ними. А 21 июня, после того как в ряде городов произошли кровавые столкновения между демонстрантами и силами порядка, несколько сотен солдат 17-го пехотного полка, набранного из местных уроженцев, подняли мятеж и прибыли в Безье, чтобы поддержать земляков. Депутаты, обеспокоенные этими событиями, уже 22 июня приняли закон о контроле за качеством вина.

Репрессивные меры против забастовщиков были осуждены социалистами, которые обвинили кабинет в стремлении ограничить права трудящихся и править полицейскими методами. С яркими обличительными речами выступил в палате депутатов Жорес, которому нередко отвечал сам Клемансо. Их словесная дуэль обозначила новую политическую реальность: «левый блок» окончательно распался, и Объединенная социалистическая партия перешла в оппозицию правительству слева.

Парадокс заключался в том, что правительство Клемансо было едва ли не первым в истории Третьей республики, которое вознамерилось, защищая демократию и не отказываясь от антиклерикализма, всерьез заняться проведением социально-экономических реформ. Об этом свидетельствовали политический состав и структура кабинета министров. В него вошли «независимые социалисты» Бриан и Вивиани (последний возглавил впервые созданное министерство труда). Представляя свое правительство парламенту, Клемансо обещал ускорить принятие закона о рабочих пенсиях, сократить продолжительность рабочего дня до 10 часов, провести закон о коллективных договорах, осуществить реформу налоговой системы и многое другое. Однако лишенный поддержки социалистов, поглощенный борьбой с анархо-синдикалистами, он не преуспел в осуществлении этой программы. Законопроект о пенсиях, одобренный палатой депутатов еще в феврале 1906 г., после многочисленных уточнений и согласований был утвержден сенатом только в марте 1910 г. Еще меньше повезло законопроекту о прогрессивно-подходящем налоге, автором которого являлся министр финансов Ж. Кайо. Принятый к рассмотрению в феврале 1907 г., он десять лет кочевал из одной парламентской комиссии в другую, прежде чем приобрел силу закона. Сравнительно быстро правительству удалось добиться голосования лишь по проекту выкупа убыточной Компании железных дорог Запада, ставшему законом в июле 1908 г.

Твердость, с которой Клемансо противостоял анархо-синдикалистам и социалистам, в сочетании с умеренным реформизмом и гибкостью, проявленной им при проведении в жизнь антиклерикального законодательства, обеспечили ему поддержку со стороны правых республиканцев. Клемансо шокировал своих соратников-радикалов, когда принял эту поддержку, заявив, что не считает себя вправе исключать кого-либо из «республиканской партии». Это шло вразрез с духом «левого блока» и свидетельствовало об усилении «центростремительной» тенденции в политической жизни.

Партия радикалов, в которой сторонники «комбизма» сохраняли сильные позиции, некоторое время сопротивлялась новым веяниям. На съезде 1908 г. в Дижоне она высказалась за воссоздание «левого блока» и формирование правительственного большинства вместе с социалистами. Но постепенно старое поколение радикалов — неутомимых романтиков, идеологов и оппозиционеров — уступило первые роли в партии молодым прагматикам, жаждавшим власти, карьеры и реальных дел. Символом смены поколений стало избрание председателем исполкома партии левого республиканца Ж. Кайо, предпринимателя и специалиста в области финансов, сделавшего ставку не на антиклерикализм или старый лозунг защиты республики, а на требование налога на доходы и капитал. В 1913 г. съезд в По предпочел его кандидатуру «старой бороде» радикализма К. Пельтану.

В последние годы перед Первой мировой войной во Франции сложилось своеобразное положение, когда парламент от выборов к выборам все больше «левел», а политика правящих кабинетов «правела». Если в 1906 г. партии «левых», включая социалистов, располагали в палате депутатов 411 местами, то в 1910 г. - 459, а в 1914 г. - 470. Особенно впечатляющими были избирательные успехи Объединенной социалистической партии, которая за 8 лет увеличила свое представительство вдвое - с 54 мандатов в 1906 г. до 102 в 1914 г. Однако ее отказ от

сотрудничества с правительством вынуждал радикалов искать союзников справа, среди левых республиканцев. После распада «левого блока» в парламенте, таким образом, сложилось устойчивое левоцентристское большинство, которому соответствовал и политический состав правящих кабинетов.

В 1909 г. Клемансо уступил место во главе правительства независимому социалисту А. Бриану. В прошлом видный синдикалист, сторонник всеобщей стачки, он на рубеже веков, подобно Мильерану, увлекся реформизмом, что в сочетании с незаурядной политической гибкостью обеспечило ему в дальнейшем блестящее политическое будущее. Его кабинет был составлен из радикалов, левых республиканцев и независимых социалистов. В области внутренней политики Бриан придерживался в целом курса, намеченного его предшественником. При нем были завершены некоторые реформы, начатые Клемансо, а также смягчена процедура ликвидации конгрегации, ранее нередко дававшая повод для злоупотреблений. Столь же твердой позиции, как и предыдущий кабинет, придерживался Бриан по отношению к анархо-синдикалистам. Когда в октябре 1910 г. всеобщую забастовку объявили железнодорожники, он перевел их на военное положение. В ответ на критику в парламенте со стороны социалистов Бриан заявил: «Если бы существование государства оказалось под угрозой, а правительство не нашло бы законных способов его защиты, в частности, не смогло бы располагать железными дорогами, этим важным инструментом национальной безопасности, и поэтому было бы вынуждено преступить закон, то оно сделало бы этот шаг!»

В составе левоцентристского большинства левые республиканцы, насчитывавшие в среднем около 100 депутатов, постепенно вернули себя ключевые позиции в правительстве. Не считая «перебежчика» Кайо, возглавлявшего кабинет министров в 1911 г., их представителям трижды накануне войны поручалось формирование правительства. Это были Р. Пуанкаре и Л. Барту в 1912-1913 гг., а также А. Рибо - в 1914 г. По ряду вопросов они открыто прибегали к поддержке правых республиканцев (членов Республиканской федерации), во многом благодаря голосам которых в 1913 г. президентом республики был избран Пуанкаре. В парламенте, далеко уже не столь резко разделенном на «правых» и «левых», как в начале века, снова обнаружилась тенденция к образованию либерально-консервативного «центра».

Подготовка к войне. В общественной атмосфере начала XX в. отчетливо ощущалось усиление угрозы войны. О ней напоминали участившиеся международные кризисы, прямо затрагивавшие интересы Франции и ее союзницы России: русско-японская война, два марокканских и боснийский кризисы, Балканские войны. Вызовом безопасности своей страны считали французы крупномасштабные программы перевооружения армии и флота, осуществлявшиеся в Германии. Поэтому по мере того, как остывали страсти, возбужденные делом Дрейфуса и отделением церкви от государства, на первый план в области внешней и внутренней политики выступали вопросы укрепления обороноспособности.

Международные позиции Франции значительно усилились благодаря деятельности видного политика и дипломата Теофиля Делькассе, занимавшего в 1898-1905 гг. пост министра иностранных дел. Он добился заключения секретного соглашения (1902) с Италией, вызвавшего охлаждение в ее отношениях с Германией, и положил конец многолетней вражде с Великобританией. В 1904 г. с ней было подписано соглашение по колониальным вопросам, открывшее эру дружественных отношений между обеими странами, известную как «сердечное согласие» (Антанта). Значительные усилия приложил Делькассе для заключения в 1907 г. аналогичного соглашения между Великобританией и Россией, которое привело к образованию Тройственного соглашения.

Однако серьезной проблемой для французской дипломатии являлось нежелание Великобритании связывать себе руки формальным военным союзом, а также размолвка с Россией во время боснийского кризиса. Этими трудностями воспользовался Кайо, который вынашивал иную концепцию внешней политики Франции. Залогом ее безопасности он считал соглашение с Германией по широкому кругу спорных проблем и тесный союз со странами Южной Европы - Италией и Испанией. Разумеется, Франции в этом союзе отводилась ведущая роль. Осуществить эту программу Кайо попытался во время марокканского кризиса 1911 г., когда он занимал пост главы правительства. В результате переговоров Кайо удалось достигнуть компромисса с

Германией: в обмен на передачу ей части французских владений в Тропической Африке она отказалась от своих притязаний на Марокко. Однако общественное мнение Франции сочло условия компромисса невыгодными, даже унижительными. В ходе парламентских прений встал вопрос о доверии кабинету, и Кайо подал в отставку.

Его внешнеполитическая программа оказалась неприемлема не только для откровенных националистов и сторонников реванша, но и для значительной части людей, принципиально отвергавших войну как способ решения международных конфликтов. Речь идет прежде всего об анархо-синдикалистах и социалистах, не представлявших себе иной альтернативы войне, кроме революции, и вынашивавших наивные, а порой и авантюристические планы противодействия ей. Политико-идеологические разногласия помешали сторонникам мира во Франции выработать реалистическую и популярную программу борьбы с угрозой войны.

Поскольку миролюбие и пацифизм были свойственны прежде всего социалистам и радикалам, то основная тяжесть работы, связанной с подготовкой Франции к войне, легла на партии, стоявшие от них справа. Инициатива принадлежала левым республиканцам, которые в равной мере пользовались доверием и «левых», и «правых», а кроме того, обладали всеми преимуществами одной из основных правительственных партий. На высшие государственные должности они выдвигали человека, который по своим личным качествам явно не мог претендовать на роль популярного вождя, но прекрасно мог справиться с обязанностями организатора совместной работы людей разных убеждений. Таким человеком был Р. Пуанкаре. Он сознательно держался в тени со времени дела Дрейфуса, чем заслужил себе репутацию осторожного, не склонного к поспешным и необдуманным шагам политика. Кроме того, его призывы к укреплению обороноспособности Франции внушали многим французам больше доверия, чем экстравагантные планы предотвращения войны, выдвигавшиеся сторонниками мира. После отставки кабинета Кайо именно Пуанкаре было поручено в январе 1912 г. сформировать новое правительство.

Его пребывание на посту премьер-министра ознаменовалось рядом важных мер по усилению вооруженных сил Франции. Несмотря на оппозицию социалистов, была одобрена военно-морская программа, согласно которой к 1920 г. флот насчитывал бы 28 броненосцев (в строю находилось уже 18 кораблей этого типа) и 52 миноносца. Стоимость этой программы оценивалась в 1,4 млрд. франков (около трети годового бюджета страны). Кроме того, решено было создать военную авиацию. Наряду с принятыми ранее мерами - усилением артиллерии армейских корпусов, созданием в 1911 г. должности главнокомандующего армией, которую занял генерал Жоффри, - все это свидетельствовало о серьезности военных приготовлений Франции. Став президентом республики, Пуанкаре добился продления срока службы в армии с 2 до 3 лет, что позволило увеличить ее численность в мирное время с 540 тыс. до почти 700 тыс. человек (против 860 тыс. в Германии). В 1913 г. соответствующий закон был принят вопреки оппозиции социалистов и значительной части радикалов.

Во многом благодаря стараниям Пуанкаре Франция накануне войны установила подлинно союзнические отношения с другими державами Согласия. С 1913 г. наладилось военное сотрудничество с Великобританией (проведение совместных маневров, консультации Генеральных штабов). Удалось устранить недоразумения и в отношениях с Россией, куда в 1912-1913 гг. дважды - в качестве премьер-министра и президента - выезжал Пуанкаре. Его третий визит в Россию в июле 1914 г. совпал с острейшим международным кризисом, переросшим в мировую войну.

Июльский кризис 1914 г. и начало мировой войны прервали относительно благополучный период истории Франции, который продолжался свыше 40 лет. Его главной отличительной чертой была стабильность. Полоса революций и контрреволюций наконец завершилась и в стране установился режим, основанный на признании индивидуальных и коллективных прав и свобод, парламентаризма и других либерально-демократических институтов. Во французской экономике по-прежнему соединялись архаичные и новаторские элементы. Франция как была, так и осталась преимущественно крестьянской страной, 60% населения которой жило в сельской местности и почти половина занималась сельским хозяйством.

